

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица, домъ № 13, кв. 11,
при Холмско-Варшавской Духовной Консисторіи,
въ Варшавѣ.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя въ редакцію для напеча-
танія, въ случаѣ надобности, сокращаются и
исправляются по взгляду редакціи.

ОТДѢЛЪ I.

Епархіальныя извѣстія.

Рукоположены: 21-го января во діакона, а 28-го во священника дѣлопроизводитель Холмскаго духовнаго Правленія Захарія *Суслопаровъ* къ церкви с. Городка Соколовскаго у. Сѣдлецкой г. 28 января во діакона и 2 февраля во священника рукоположенъ псаломщикъ Грубешовской Успенской церкви Порфирій *Рудковъ* къ едноровчской церкви въ селѣ Покровскомъ Сувалкской г. на вакансію помощника настоятеля церкви.

Перемѣщенъ съ 1 февраля на вакансію настоятеля церкви села Хмѣлька Любл. губ., настоятель церкви с. Лацова тойже губ. священникъ Петръ *Завальскій*.

Назначенъ состоящій на вакансіи псаломщика при церкви п. Сосновицъ Петроковской губ., діаконъ Константинъ *Радикъ* на должность настоятеля церкви села Прогаинъ Сѣдлецкой губ.

О сборѣ пожертвованій на постройку соборнаго храма въ г. Асхабадѣ.

Холмско-Варшавская духовная консисторія слушала 1) сданное Его Высокопреосвященствомъ отношеніе г. начальника Закаспійской области, председателя комитета по постройкѣ соборнаго храма въ г. Асхабадѣ, отъ 23 декабря 1900 г. за № 8, въ коемъ изъяснено слѣдующее: Въ Асхабадѣ, административномъ центрѣ Закаспійской области, до сего времени нѣтъ соборнаго приходскаго храма. Военныя церкви хотя и есть, не удовлетворяютъ однако всей потребности. Тяжело для русскаго человѣка, привыкшаго на родинѣ къ церковной молитвѣ, отсутствіе храма Божія, въ особенности въ такомъ городѣ, какъ Асхабадѣ, гдѣ большая часть жителей — инновѣрцы. Относительно

средствъ на сооруженіе, они къ сожалѣнію, должны заявить, что не могутъ обойтись собственными силами. Городское населеніе состоятъ изъ служащихъ и рабочихъ, живущихъ однимъ жалованіемъ, а между тѣмъ условія постройки трудныя: рабочія руки дороги, мастеровъ и матеріалы приходится выписывать изъ Россіи. Безъ поддержки матери нашей, православной церкви и Ея ревностныхъ священнослужителей, дѣло осуществлено быть не можетъ. Въ убѣжденіи, что Его Преосвященство не откажетъ въ покровительствѣ задуманному сооруженію, Комитетъ съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія и съ благословенія Святѣйшаго Синода, приступая къ всеобщему сбору пожертвованій, посылаетъ 500 экземпляровъ воззваній и подписныхъ листовъ для церкви Холмско-Варшавской епархіи. Пусть священники въ дни, подходящіе къ этому случаю, разъяснятъ паствѣ, для кого и для чего собирается пожертвованіе. Имѣющіяся поступать суммы, они просятъ высылать по адресу: Асхабадѣ, канцелярія начальника области, въ комитетъ по постройкѣ храма; 2) положенную на семь отношеній нижеслѣдующую резолюцію Его Высокопреосвященства отъ 8 января сего 1901 г. за № 16: „Когда будутъ получены воззванія Строительнаго въ Асхабадѣ комитета, Консисторія сдѣлаетъ распоряженіе о разсылкѣ ихъ при Епархіальномъ Вѣстникѣ духовенству епархіи“. Приказали: 1) отношеніе председателя комитета по постройкѣ соборнаго храма въ г. Асхабадѣ, а равно послѣдовавшую на семь отношеній Архiepастырскую резолюцію Его Высокопреосвященства напечатать въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ къ свѣденію и должному исполненію со стороны духовенства епархіи, объявивъ при этомъ духовенству, чтобы денежныя пожертвованія на постройку соборнаго хра-

ма въ г. Асхабадѣ по рассылаемымъ подписнымъ листамъ были направляемы настоятелями церквей, мѣнуя Ковсистерію, непосредственно въ г. Асхабадѣ, въ комитетъ по постройкѣ соборнаго храма (канцелярія начальника Закаспійской области) непремѣнно съ возвращеніемъ сихъ листовъ, даже и въ томъ случаѣ, если по онымъ не поступитъ никакихъ пожертвованій; 2) Присланные при помянутомъ отношеніи 500 экземпляровъ воззваній и подписныхъ листовъ, согласно распоряженію Его Высокопреосвященства, препроводить при отношеніи редактору Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника для разсылки во все церкви епархіи при названномъ Вѣстникѣ; затѣмъ дѣло сіе сдать оконченнымъ и сдать своевременно въ архивъ. 29 января 1901 года.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

О Ч Е Р К Ъ

исторіи православія въ городѣ Калишѣ.

(Продолженіе)*.

Получивъ отъ благочиннаго прот. Новицкаго подробныя свѣдѣнія о состояніи вѣранныхъ ему церквей, преосвященный Антоній вошелъ въ переписку съ главнымъ директоромъ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ генераль-лейтенантомъ Головинымъ по дѣлу о церковно-строительныхъ потребностяхъ вѣрннаго ему викариатства и, между прочимъ, ходатайствовалъ о сооруженіи новой каменной церкви съ церковнымъ домомъ въ г. Калишѣ. Въ силу этого ходатайства была составлена смѣта на 27700 руб. и 85 коп., и осмотрено мѣсто подъ постройку церкви и причтоваго дома; но дѣло это, вслѣдствіе значительныхъ экстренныхъ расходовъ, предстоящихъ тогда къ отпуску изъ казны Царства Польскаго на устроеніе кафедральнаго собора и Вольской кладбищенской церкви, не увѣнчалось успѣхомъ. Тогда Преосвященный Антоній воспользовался другими обстоятельствами тогдашняго времени относительно Калишской церкви. Съ начала 1835 г. въ городѣ Калишѣ производились сѣбшныя приготовления къ пріѣзду сюда Государя Императора Николая I, прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и другихъ Высочайшихъ особъ, почему временно была устроена въ бывшемъ кадетскомъ корпусѣ¹⁾ право-

славная, во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, довольно помѣстительная и благоуукрашенная церковь съ раззолоченнымъ иконостасомъ¹⁾. Преосвященный Антоній, въ виду жалкаго состоянія Калишской приходской церкви, просилъ генераль-лейтенанта Головина доложить генераль-фельдмаршалу Паскевичу, не благоугодно ли будетъ его Свѣтлости новоустроенную въ б. кадетскомъ корпусѣ церковь, какъ священный памятникъ пребыванія въ гор. Калишѣ Высочайшихъ особъ, оставить на своемъ мѣстѣ и обратить въ приходскую церковь для совершенія мѣстнымъ православнымъ жителямъ богослуженій. На таковое ходатайство преосвященнаго генераль-фельдмаршалъ изъявилъ полнѣйшее согласіе и сдѣлалъ соответственное распоряженіе. Вслѣдствіе этого упомянутая церковь принята мѣстнымъ причтомъ отъ военнаго начальства и, по перенесеніи въ нее ризницы, утвари и богослужебныхъ книгъ изъ прежней св. Аѳанасіевской церкви, по порученію преосвященнаго Антонія, освящена

¹⁾ Въ хроникѣ г. Калиша, на стр. 67, сказано: 1835 г. (w Sierp.) Zjazd Cesarza Mikołaja I, Fryderyka Wilhelma III kr. pruskiego, mnóstwa książąt, oraz wysokich dygnitarzy wojskowych i cywilnych. Wielkie uroczystości, oraz rewje wojsk rossyjsko-pruskich przez cały sierpień; (z tych główna 31 sierpnia).

Подробное описаніе пріѣзда и пребыванія Государей въ Калишѣ смотр. „Древняя и Новая Россія“, мѣсяцъ апрѣль, 1880 г., статья, подъ заглавіемъ: „Изъ записокъ Шнейдера“ (Aus meinem Leben, т. I, II и III). Людовикъ Шнейдеръ, артистъ Берлинскаго театра и издатель военной газеты для солдатъ „Soldatenfreund“, на другой день по своемъ пріѣздѣ въ г. Калишѣ, присутствовалъ съ товарищами при православномъ богослуженіи, при чемъ все было пріятно поражено торжественностію и стройнымъ пѣніемъ царскихъ пѣвчихъ. (На этомъ богослуженіи, кстати сказать, священникомъ В. Борисевичемъ, въ присутствіи Государя, было произнесено похвальное слово, на тему: „Таковъ намъ подобашъ Архіереи преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отличенъ отъ грѣшниковъ и выше небесъ блаженъ“). Последнимъ днемъ пребыванія Прусскаго короля, по словамъ Шнейдера, было знаменательное утро 22 сентября. Послѣ богослуженія, совершеннаго въ церкви въ 8 часовъ утра, король съ принцемъ уѣхали, а вслѣдъ за нимъ двинулись и прусскія войска. Императоръ Николай на прощанье обнималъ и цѣловалъ почти каждаго офицера и называлъ проходившихъ мимо солдатъ „своими милыми гостями“. Прощанье русскихъ солдатъ съ прусскими представляло весьма трогательную картину: тысячи русскихъ солдатъ въ однихъ шинеляхъ и шапкахъ сбѣжались на шоссе, кричали „ура!“ и прощались со своими прусскими товарищами. По окончаніи этой трогательной сцены императоръ вышелъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ на дворъ б. кадетскаго корпуса и обратился къ Паскевичу съ слѣдующими словами:

„Иванъ Фѣдоровичъ! Не для того, чтобы наградить васъ (это не въ моихъ силахъ) а для того чтобы почтить и отличить полкъ, вами образованный и сформированный, — онъ будетъ съ этихъ поръ носить ваше имя: Орловскій егерскій полкъ князя фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго“.

Затѣмъ Императоръ скомандовалъ самъ „на караулъ“, и четыре знамени склонились предъ новымъ шефомъ.

* См. № 6.

¹⁾ Калишскій кадетскій корпусъ, перестроенный изъ іезуитской коллегіи и открытый въ 1797 году, упраздненъ 1 іюня 1832 г., а кадеты переведены частью въ С. Петербургъ, а частью въ Москву (Kron. hist. стр. 66).

мѣстнымъ настоятелемъ о. Василиемъ Борисевичемъ 1 декабря 1835 г. Въ томъ же зданіи б. кадетскаго корпуса, по ходатайству Преосвященнаго, отведены были выгодныя и приличныя помѣщенія для причта, которыми онъ пользовался до 1848 г.; съ того времени означенное зданіе обращено въ казармы, и въ немъ только пономарю оставлена комната при самой церкви, остальному же причту: священнику и дьячку, назначено отъ казны квартирнаго содержанія ежегодно 270 руб. Превжнія же зданія при Калишской церкви, по распоряженію епархіальнаго начальства, положено было продать съ публичныхъ торговъ, а вырученную сумму внести въ банкъ. Одинъ старый каменный домъ проданъ въ 1836 г. Калишскому муниципальному управленію за 1200 р. Другой же каменный домъ первоначально, по неимѣнію покупателей, отдаваемъ былъ въ наемъ, за что получалось до 225 р. дохода въ годъ, и уже впоследствии, въ 1841 г. означенный домъ вмѣстѣ съ находившеюся при немъ церковью проданъ съ публичныхъ торговъ за 3900 руб. Вырученная за эти зданія сумма 5100 руб. увеличенная другими церковными деньгами до 5317 р. 35 к., внесена въ польскій банкъ для приращенія процентами съ тою цѣлью, чтобы со временемъ на эту сумму соорудить новую церковь, съ жилымъ для священно и церковнослужителей домомъ¹⁾. Въ томъ же 1835 г. благосостояніе Калишской церкви было улучшено присланными Преосвященнымъ Антоніемъ серебряными вызолоченными сосудами и крестомъ, вѣсомъ въ 4 фунта и 12 лотовъ²⁾, а спустя годъ,—и пятью разной величины колоколами, вѣсомъ 57 пудовъ и 9¹/₂ фунтовъ, отлитыми, по распоряженію генераль-фельдмаршала, изъ оставшихся орудій бывшихъ польскихъ войскъ³⁾. Въ 1848 году устроено ризничныхъ вещей на 1373 р. и 44 к. употребленные изъ вышепоказанной суммы, хранившейся въ польскомъ банкѣ⁴⁾.

Устроенная въ б. кадетскомъ корпусѣ православная церковь, освященная 1 декабря 1835 года, оставалась до 1877 года, а именно, до окончанія постройки новаго каменнаго храма, на одной изъ самыхъ видныхъ и хорошо обстроенныхъ мѣстностей города⁵⁾. Въ теченіе этого втораго періода времени Калишскими приходскими настоятелями церкви были слѣдующіе священнослужители: 1) протоіерей Василій Борисевичъ (1828—1843 г.), 2) священникъ Захарія Левицкій (1844—1847 г.), 3) протоіерей Іаковъ Крашановскій (1848—1864 г.), 4) магистръ богословія священ-

никъ Іоаннъ Баландовичъ, при которомъ совершено освященіе вновь сооруженнаго и нынѣ существующаго Калишскаго Свято-Петропавловскаго собора¹⁾.

Изъ поименованныхъ священнослужителей Калишской церкви прот. Крашановскому пришлось пережить тотъ періодъ времени, когда обнаружившееся въ польскомъ народѣ волненіе умовъ и страстей настолько усилилось, что перешло, наконецъ, въ вооруженное кровопролитное возстаніе. Какъ извѣстно, непріязненное расположеніе поляковъ къ русскимъ вообще въ частности обнаруживалось въ отношеніяхъ къ православному духовенству. Проходя, наприм., по улицамъ, духовныя лица подвергались отъ встрѣчныхъ поляковъ насмѣшкамъ, выражавшихся словами и въ гримасничаньи лицомъ, а иногда и оплеваніямъ. Но о. протоіерю Крашановскому пришлось испытать лично нѣчто большее, потому что самой его жизни угрожала серьезная опасность. По словамъ „Епархіальнаго Вѣстника“, это было такъ:

„Военный начальникъ Калишскаго округа генераль-лейтенантъ Бельгардъ“, о дѣятельности котораго будетъ сказано ниже, „получивъ изъ г. Сѣрадзы²⁾ лежащаго въ 48 верстахъ отъ Калиша донесеніе о настоятельной необходимости тамъ священника для исповѣданія и причащенія больныхъ и раненыхъ умиравшихъ воиновъ, находившихся въ тамошнемъ госпиталѣ, предложилъ настоятелю Калишской церкви протоіерю Іакову Крашановскому отправиться въ Сѣрадзы для удовлетворенія духовныхъ потребностей тамошнихъ нижнихъ чиновъ. Хотя путь безъ конвоя по лѣсистой мѣстности, гдѣ часто появлялись шайки возставшихъ, угрожалъ опасностью попасть въ ихъ руки, но прот. Крашановскій съ полною готовностью и самоотверженіемъ отправился въ Сѣрадзы въ отходившей туда изъ Калиша почтовой каретѣ, безъ конвоя. Проѣхавъ около 20 верстъ отъ Калиша, карета окружена была вооруженными мятежниками и отведена въ м. Ивановицы въ лагерь шайки, состоящей подъ начальствомъ Слупскаго. Здѣсь прот. Крашановскій отведенъ былъ въ домъ знакомой ему помѣщицы и встрѣтилъ тамъ трехъ бывшихъ учениковъ своихъ, которымъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ Калишскомъ высшемъ реальномъ училищѣ. Эти обстоятельства, хотя не могли ручаться за его безопасность, однакожь послужили къ его избавленію отъ угрожавшей ему смерти. Предъ обыскомъ сундука его съ церковными вещами, въ которомъ повстанцы искали паспорта и оружія, прот. Крашановскій отперъ сундукъ, облачился въ епитрахиль и, поднявъ вверхъ ковчегъ со святыми дарами, произнесъ по польски слѣдующія слова: „Вотъ мой паспортъ, мое оружіе и мой щитъ! Это Богъ мой и вашъ вмѣстѣ. Именемъ

¹⁾ Описан. прав. Варшав. епарх. прот. Лотоцкаго, стр. 294.—Х. В. Еп. Вѣстникъ 1878 г. № 15 стр. 4—5.

²⁾ Изъ отчетн. представл. преосв. Антонія Волинскому архіеп., отъ 18 января 1836 г. № 15.

³⁾ Изъ такого-же отчета, отъ 16 декабря 1836 г. № 486.

⁴⁾ Описаніе Варшав. епарх. стр. 296.

⁵⁾ Полковная церковь находилась въ то время во второмъ этажѣ нынѣшней Польской гостиницы, по улицѣ Гродской.

¹⁾ Смотри книги брачныхъ обысковъ съ 1838 г.

²⁾ Православные жители г. Сѣрадзы и нынѣ принадлежатъ къ Калишскому православному приходу.

Его умоляю васъ не умножать праведнаго гнѣва Его новыми неправдами¹⁾“... Затѣмъ, по предложенію помѣщцы Венжикъ, протоіерей Крашановскій поставилъ свою святыню на приличномъ мѣстѣ въ ея молельнѣ. Послѣ дальнѣйшихъ распросовъ о характерѣ и шумныхъ превій объ участи плѣнника, Слупскій объявилъ ему слѣдующій приговоръ скопица судей: „Такъ какъ бывшіе ученики ваши свидѣлствуютъ о хорошемъ обращеніи вашемъ съ ними, окрестные же помѣщники удостовѣряютъ, что вы, будучи членомъ благотворительнаго общества въ Калишѣ, много потрудились въ пользу бѣдныхъ, и никто не заявилъ о какомъ либо вмѣшательствѣ вашемъ въ политическія дѣла, то вамъ даруется жизнь“. По истеченіи сутокъ прот. Крашановскій былъ освобожденъ и безъ дальнѣйшихъ приключеній прибылъ въ Сѣрадзъ. Исполнивъ здѣсь духовныя требы для больныхъ и раненыхъ воиновъ, онъ, несмотря на испытанную въ пути опасность рѣшился, по приглашенію Сѣрадзскаго военнаго начальника, ѣхать еще за 30 верстъ въ м. Видаву для исполненія такихъ же требъ находившимся тамъ на лѣченіи тяжело раненымъ лейбъ-казакамъ. По исполненіи пастырскаго долга въ Видавѣ, прот. Крашановскій благополучно возвратился въ Сѣрадзъ, а оттуда въ Калишъ. Но, при испытанныхъ имъ потрясеніяхъ отъ угрожавшихъ опасностей, онъ попался за свои поѣздки тяжкою шестиведѣльною болѣзнью²⁾.

(Окончаніе будетъ).

Мелочи въ обыденной жизни священника.

(Продолженіе)*).

IV.

(О внѣбогослужебной одеждѣ священнослужителей).

Одежда составляетъ то, что прежде всего поражаетъ наше око при взглядѣ на человѣка: она опредѣляетъ форму человѣка и даетъ ему внѣшнее выраженіе. Одежда является въ нѣкоторомъ отношеніи изяснителемъ нашихъ мыслей и нашихъ чувствованій. Наша одежда имѣетъ самое близкое отношеніе къ душѣ и тѣлу. Наша душа,—по замѣчанію одного наблюдателя надъ собою,—мастерица сочинять лицо печальное, веселое, угрюмое, задумчивое; если наша душа чувствуетъ стыдъ, она краситъ наши щеки румянцемъ; если она завидуетъ, то дѣлаетъ наши щеки блѣдными; если радуется, придаетъ нашему лицу и глазамъ блескъ; если тоскуетъ, тоже измѣняетъ

¹⁾ По увѣренію нѣкоторыхъ лицъ р.-католиковъ, живущихъ въ г. Калишѣ, прот. Крашановскій отлично зналъ польскій языкъ и обладалъ даромъ краснорѣчиво говорить на этомъ языкѣ проповѣди.

²⁾ Х.-В. Еп. Вѣстникъ 1879 г. № 13, стр. 127.

*) См. №№ 49 и 50 за 1900 г. и №№ 2, 5 и 6 за 1901 г.

черты нашего лица и нашихъ глазъ. Велико искусство нашей души выражать вполнѣ или едва проявлять: желаніе, страсть, мнѣніе, сомнѣніе, убѣжденіе, удивленіе, велико ея искусство выражать себя во взорѣ, улыбка, въ движеніи или неподвижности сочиняемаго ею обличія. Но если наша душа можетъ быть названа мастерицею сочинять такое или другое лицо, то вообще человѣкъ долженъ быть названъ мастеромъ сочинять, соотвѣтственно своему душевному настроенію, самую разнообразную одежду. Разнообразить онъ свою одежду и по національности, и по званію, и по должности и вообще по роду занятій; мѣняетъ онъ свою одежду часто по простому увлеченію модой, мѣняетъ онъ одежду и сообразно перемѣнчивому состоянію своего духа: радости или печали. — Наша священнослужительская одежда говоритъ стороннему взгляду, что носящій ее съ удобствомъ можетъ совершать богослуженія, заниматься книжнымъ дѣломъ и произносить поученія.

Соотвѣтственно духу нашей церкви и наши внѣбогослужебныя одежды должны быть исполнены важности и простоты „Щегольства и неопрятности, — говоритъ блаж. Іеронимъ, — одинаково должно избѣгать (клирикамъ): первое говоритъ о любви къ удовольствіямъ, а второе о тщеславіи“. А поэтому наша одежда не должна быть ни небрежною, ни поразительно роскошною, изысканною. Никогда мы не должны забывать этихъ двухъ качествъ нашей одежды. Небрежность происходитъ отъ лѣни и отъ излишней безцеремонности, а вовсе не отъ убожества; это — пренебреженіе принятыми обычаями и неуваженіе къ окружающимъ лицамъ. Съ другой стороны, роскошь — излишняя эlegantность — признакъ узкаго и небольшого ума. Важность нашего священнослужительскаго костюма требуетъ, чтобы мы болѣе свѣтскихъ людей удалялись отъ этихъ недостатковъ. Общее правило относительно одежи какъ для духовныхъ такъ и для свѣтскихъ лицъ должно быть слѣдующее: одѣвайся такъ, какъ одѣваются серьезные люди твоего званія, не привлекая къ себѣ при этомъ своею одеждою общаго вниманія. Не заставляй говорить о себѣ: „вотъ франтъ,“ но бойся также, чтобы о тебѣ не говорили: „вотъ неряха“.

Костюмъ по отношенію къ лицу то же, что слогъ по отношенію къ мысли. Костюмъ — это прибавка очень важная, но, надо сказать, прибавка, имѣющая второстепенное значеніе. Соотвѣтственно этому взгляду матеріалъ для одежды священника не долженъ быть слишкомъ богатъ, слишкомъ драгоцененъ; этотъ матеріалъ можетъ быть даже бѣднымъ, но все же не долженъ быть грубымъ. При этомъ каждая часть одежды должна отвѣчать принятой формѣ. Тираниа моды часто заставляетъ свѣтскихъ людей мѣнять форму своихъ одеждъ. Одежда священника такой тирании, конечно, не подвергается, но все же одежда и священника не остается постоянно безъ измѣненія.

Такъ, въ теченіе послѣдняго времени верхняя одежда православнаго священника на востокѣ и у насъ въ Россіи приняла различный видъ, а было время, когда по одеждѣ нельзя было различить православнаго священника греческой церкви, отъ православнаго священника церкви русской. Да и одежда русскаго священника въ послѣднія десятилѣтія тоже нѣсколько измѣнилась. Такъ, московскій покрой священнической рясы разнится отъ покроя рясы въ Петербургѣ, но общій видъ той и другой рясы не разитъ глаза наблюдателя. Можно, поэтому, высказать замѣчаніе, что измѣненіе и въ одеждѣ священника болѣе или менѣе совершается, но такъ, что это измѣненіе никого не поражаетъ; при этомъ измѣненіи сохраняется общій видъ одежды православнаго священника.

Но какова бы ни была форма священнической одежды нужно, чтобы она была хорошо сшита; нужно, чтобы она не была ни слишкомъ коротка, ни слишкомъ длинна, ни слишкомъ широка, ни слишкомъ узка; при этомъ кройка должна быть правильна, такъ чтобы одежда нигдѣ не была сморщена. Худо сшитая одежда дѣлаетъ насъ смѣшными, а этого мы должны избѣгать. Въ одной книжкѣ дается вообще всѣмъ совѣтъ: надѣвать на себя одежду какъ слѣдуетъ; часто даже прекрасно сшитая одежда является некрасивою потому только, что ее мы на себя небрежно надѣли.

Одежда изъ матеріала недорогого, простаго, можетъ производить пріятное впечатлѣніе, но одежда, хотя и богатая, но покрытая пятнами и лежащая на чловѣкѣ въ безпорядкѣ, производитъ непріятное впечатлѣніе. Забота о чистотѣ своей одежды должна быть непремѣнною обязанностью священнослужителя; нужно, поэтому, остерегаться сѣсть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ одежда можетъ испачкаться; не надо прислоняться къ стѣнѣ, не надо очищать о свою одежду ни своихъ пальцевъ, ни перьевъ или чего либо подобнаго. Нужно заботиться о чистотѣ одежды, особенно во время пути.

Здѣсь не лишне будетъ замѣтить что необходимо намъ измѣнить взглядъ на одежду подорожную. Въ недавнюю пору, до развитія у насъ желѣзныхъ дорогъ, отправляясь въ путь, мы одѣвались въ самую бѣдную одежду, мы прятали на этотъ разъ приличную одежду, какъ могущую въ пути запачкаться, порваться. Въ настоящее же время, при удобствѣ желѣзныхъ дорогъ, отправляясь въ путь, мы должны надѣвать на себя не худшія одежды, а вполне приличныя. Платформы при вокзалахъ бываютъ разнообразными людьми наполнены больше, чѣмъ въ какомъ нибудь общественномъ залѣ,— появленіе священника въ неряшливой одеждѣ на преисполненной народомъ платформѣ—непріятное явленіе¹⁾.

¹⁾ Въ печати не рѣдко высказывается желаніе предоставить священнослужителю православной церкви право ѣздить

Въ одномъ изъ писемъ къ молодому священнику дается слѣдующій совѣтъ. „Если, не смотря на всѣ заботы, одежда запачкается, надо тщательнымъ образомъ очистить ее отъ пыли и грязи. Отправляясь въ дорогу, надо запастись щеткой для чистки одежды. Нужно время отъ времени производить самому лично или чрезъ кого либо изъ членовъ своей семьи осмотръ одежды: не разорвалась ли она въ какомъ нибудь мѣстѣ, и, если она окажется гдѣ либо испачканною или разодранною, надо тотчасъ же привести ее въ добрый порядокъ“.

Приходитъ наконецъ время, когда изношенная одежда должна быть замѣнена новою. Трудно для священнослужителя имѣть въ виду какое нибудь общее правило относительно замѣны одной одежды другою—новою таковой же формы; это правило весьма много разнообразяетъ: состояніе, общественное положеніе, среда, гдѣ каждому изъ насъ суждено вращаться. Одежду, особенно, одежду верхнюю можно носить и нѣсколько поношенную, но носить одежду съ заплатами въ нѣсколькихъ видныхъ мѣстахъ было бы для священника крайне не прилично. Правда, нѣкоторые изъ благочестивыхъ примѣрныхъ священнослужителей не обращали вниманія на укорительныя сужденія свѣта объ ихъ изношенной и полатанной одеждѣ, но есть въ исторіи церкви примѣры благочестивыхъ людей, которые смотрѣли на это совершенно иначе. Одежда Спасителя, конечно, не была богата, но и не поражала изношенностію и заплатами. Обстоятельство раздѣленія его ризы воинами, у Его Креста, показываетъ, что одежда Спасителя имѣла извѣстную цѣнность. Само собою разумѣется, что священнику неудобно являться всегда въ одеждѣ, поражающей своею драгоцѣнностію: священникъ весьма часто вращается съ народомъ бѣднымъ или обѣднѣвшимъ; являться же предъ нищимъ чловѣкомъ въ рясы, сшитой наприм., изъ богатаго лонскаго бархата, съ увѣщаніемъ покорно переносить свою бѣдность, священнику неудобно. Это значило бы тоже, что хвалиться своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ, аппетитомъ, предъ чловѣкомъ тощимъ, больнымъ. Впрочемъ, если священникъ состоитъ на такомъ приходѣ, гдѣ его обезпечиваютъ содержаніемъ съ тѣмъ, чтобы на немъ была одежда весьма богатая, и даже иногда публично приподносятъ ему въ даръ та-

по желѣзной дорогѣ во II классѣ за уменьшенную плату. И есть основаніе такого желанія. Въ III классѣ весьма часто публика держитъ себя крайне неряшливо, и эта неряшливость, пачкатыя, передается въ вагонѣ и одеждѣ священника; она нерѣдко становится видною на священникѣ по выходѣ его изъ вагона. Замѣчающіе и не замѣчающіе священника въ вагонѣ произносятъ слова и сужденія, оскорбляющія ухо священнослужителя. А поднимать изъ за этого обличительный тонъ въ вагонѣ, въ присутствіи жидовъ и вообще иноувѣрцевъ, а иногда полупьяныхъ людей, болѣе чѣмъ бесполезно. Мы никогда не встрѣчали ни пастора ни ксендза въ III классѣ по желѣзной дорогѣ.

кую одежду, то, повято, одежда на такомъ священникѣ можетъ быть и очень богатою.

Въ обыденной домашней обстановкѣ священникъ, повятное дѣло, надѣваетъ на себя одежду очень простую, даже поношенную, но бываютъ обстоятельства, когда священнику необходимо явиться въ одеждѣ возможно лучшей; напимѣръ, когда нужно отправиться въ храмъ для богослуженія въ праздничное время, когда нужно явиться къ лицу, занимающему высокой постѣ или когда священникъ долженъ принимать участіе въ какомъ нибудь важномъ общественномъ собраніи;— въ этихъ случаяхъ на священникѣ одежда должна быть новая или почти новая, безукоризненно чистая и хорошо на немъ лежащая.

Какого же именно цвѣта и формы должна быть наша вѣбогослужебная одежда? Историческія данныя показываютъ, что для священнослужителей уже въ VII вѣкѣ были назначены особая одежды; въ 27 правилѣ постановленій Трульскаго собора говорится: „Никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути, но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежду уже опредѣленную для состоящихъ въ клирѣ“. Принимающій санъ священства и въ наши дни произносить: „Клянуся... не безчинствовать, но всякую во обхожденіи и одѣяніи благопристойностью блюсти важность сана моего“. „Въ платьѣ, — говорится въ поученіи святительскомъ къ новопоставленному іерею, — хранишь тебѣ опрятность и благопристойность, сану священническому надлежащую“ (стр. 11 изд. 1879 года). Въ этомъ же поученіи говорится: „Одежду носи долгу до глезна, ни отъ пестринъ, ни отъ утварей мірскихъ“ (стр. 3). А 38 § инструкціи благочиннымъ говоритъ: „Благочинный долженъ наблюдать, чтобы священники, діаконъ и причетники ходили въ приличной духовному званію одеждѣ, а именно: священники и діаконъ—въ рясахъ темнаго цвѣта, и причетники—въ платьѣ покроя приличнаго духовному чину“.

Приведенныя здѣсь руководственныя указанія требуютъ, чтобы наши вѣбогослужебныя священнослужительскія одежды были преимущественно чернаго цвѣта и притомъ формы общепринятой въ нашей русской церкви. Говоримъ „преимущественно чернаго цвѣта“ потому что, имѣя въ виду выраженіе поученія святительскаго, что священнослужителямъ воспрещается носить одежду „отъ пестринъ“, мы иногда носимъ одежду и другихъ цвѣтовъ — голубаго, синяго, коричневаго и под. Отступленіе отъ общепринятой формы одежды производитъ непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ, скажемъ мы словами одного наблюдателя¹⁾, „нѣкоторые священники—франты устроятъ себѣ подрясники, болѣе напоминающіе жидовскіе ласардаки, чѣмъ скромную одежду пастыря. Такой

франтовской подрясникъ имѣетъ отвороты; сзади на немъ нашиты пуговицы; карманы въ немъ устроены на подобіе того, какъ они устроятся въ сюртукѣ; рукава у него широкіе, дабы видны были (иногда сомнительной чистоты) манжеты; воротникъ устроенъ то же такъ, чтобы виденъ былъ воротникъ рубахи, а при отворотахъ и галстучекъ (иногда даже кокетливаго свойства). Длинной описываемый подрясничекъ далеко не „до глезна“, напротивъ, онъ по возможности укороченъ, дабы видны были въ достаточной мѣрѣ брюки какого нибудь весьма веселаго цвѣта и туфли самоновѣйшаго фасона, а то и моднаго цвѣта. Нѣкоторые носятъ такіе подрясники,—рукава которыхъ на концахъ не застегиваются у самой кисти руки на пуговицы, такъ что изъ такихъ рукавовъ свободно выдвигаются манжеты. Затѣмъ воротникъ дѣлаютъ иногда настолько узкій, что изъ-за него выглядываетъ воротникъ рубахи, и добро бы еще, если бы бѣлый, а то иногда вышитый весьма причудливыми узорами“. Авторъ книги „о священствѣ“ тоже яркими чертами изображаетъ отступленіе нѣкоторыхъ священниковъ нашего времени отъ общепринятой священнослужительской одежды¹⁾. „Нынѣ, говоритъ онъ, встрѣчаются священники, у которыхъ волосы подстрижены, борода подрѣзана, ряса какого либо необычнаго цвѣта, бросающагося въ глаза и укороченная противъ обыкновенной формы; изъ подъ рясы виднѣются выпущенные на сапоги брюки; не всегда черные, а иногда пестрые и клѣтчатые, надъ рясою широкіе накрахмаленные воротнички; у нихъ не застегнута ряса на груди, какъ у прочихъ священниковъ, а намѣренно отворочена, отворочены и края рукавовъ рясы, суженныхъ противъ другихъ, — и тамъ, и здѣсь блеститъ какая либо яркая шелковая оторочка или подкладка, въ рукахъ вмѣсто священнической трости маленькая палочка, какую носятъ свѣтскіе люди; на головѣ шляпа, взятая изъ моднаго магазина. Когда идетъ по улицѣ такой франтъ-священникъ, на его лицѣ видно выраженіе самодовольства и самоуслажденія. Но на стороннихъ зрителей онъ далеко не производитъ такого впечатлѣнія, какого ожидаетъ. Людямъ, привыкшимъ къ скромному и почтенному виду служителей Божіихъ, непріятно рѣжетъ глаза такое франтовство лицъ, облеченныхъ званіемъ пастыря церкви, и многіе, встрѣчая на дорогѣ такого щеголя-священника, провожаютъ его двусмысленною улыбкою „Экой шутъ гороховый“ вотъ до какого отзыва о себѣ печальнаго и смѣшнаго — приходятъ священники, стремящіеся поразить зрителей своимъ щегольскимъ костюмомъ.“

Но встрѣчается въ этомъ отношеніи и крайность, доходящая у нѣкоторыхъ священниковъ до неряшества. Нѣкоторые священники передѣлываютъ свои рясы, когда онѣ приходятъ въ совершенную изношен-

¹⁾ Подольск. Еп. Вѣдом. 1898. № 15.

¹⁾ Пѣвницкій. Ч. I. Стр. 164.

ность. Хотя нельзя произносить словъ порицанія за этотъ обычай, но позволяемъ себѣ замѣтить, что вообще такимъ именно способомъ соблюдается плохая экономія и что передѣлка рясы иногда указываетъ не столько на экономію, сколько на скряжничество. Передѣланная ряса обыкновенно теряетъ по своему виду очень много; жаль бываетъ работы; бережливость въ такомъ случаѣ не замѣтна. — Лучше всего отдавать старую одежду бѣднымъ для домашняго приспособленія.

Скажемъ нѣсколько словъ относительно частностей въ священнослужительскомъ костюмѣ или вообще во внѣшнемъ видѣ.

Не лишнимъ считаемъ сказать о поясѣ. Поясъ придаетъ священнику важность и служитъ въ то же время символомъ скромности. Надо пожалѣть, что въ послѣднее время многіе изъ священниковъ перестаютъ носить на себѣ поясъ. Эта вещь получаетъ на священникѣ и нравственный смыслъ.—Растянуть на себѣ поясъ означаетъ позволить себѣ вольность. А быть всегда при поясѣ означаетъ быть всегда готовымъ къ исполненію своихъ обязанностей. При употребленіи пояса надо имѣть въ виду, кромѣ чистоты и опрятности, чтобы поясъ не былъ ни слишкомъ широкъ, ни слишкомъ узокъ; носить его нужно не на самомъ животѣ, а надъ животомъ.

Можно ли священнику носить перчатки? Каноническаго воспрещенія носить перчатки нѣтъ; на практикѣ же къ ношенію перчатокъ священника иногда побуждаетъ холодъ; носятъ перчатки и для того, чтобы предохранить свои руки отъ пота и для того, чтобы сохранить ихъ въ чистотѣ, но перчатки обязательно должны быть снимаемы во время совершенія крестныхъ ходовъ, при совершеніи свящ. требоисправленій и вообще богослуженія; нужно снимать перчатку при преподаваніи благословенія. При входѣ въ какой бы то ни было домъ священникъ никогда не долженъ увлекаться обычаемъ свѣтскихъ людей сидѣть въ гостинной, имѣя перчатку на рукѣ; при самомъ входѣ въ домъ священникъ долженъ непремѣнно снять свои перчатки. Цвѣтъ перчатокъ не долженъ поражать своею яркостью; перчатки должны быть чужды „пестринъ“.

Замѣчаніе объ обуви. Люди свѣтскіе очень требовательны относительно обуви. Но для насъ, священнослужителей, необязательно гнаться за модой. Мы должны избѣгать обуви лакированной: она не соотвѣтствуетъ нашей скромности. Впрочемъ, мы и лакированную обувь не порицаемъ, только предпочитаемъ ей кожаную, но вычищенную. Кожа не должна быть не какого либо другаго, а только чернаго цвѣта. Калоши также могутъ быть употребляемы для защиты ногъ отъ холода и сырости. Излишне здѣсь и говорить, что мы, священнослужители, не должны носить на себѣ калоши въ храмѣ во время богослуженія, когда къ этому не побуждаетъ крайность. Если храмъ

очень холоденъ, то лучше, приличнѣе, носить вмѣсто калошъ особые теплые сапоги.

Не лишне также высказать миѣніе относительно золотыхъ и серебряныхъ украшеній. У свѣтскихъ людей есть обычай носить на виду у всѣхъ разныя болѣе или менѣе драгоценныя вещи: кольца, цѣпочки, брелоки, медальоны и под. Все это не прилично для священника; онъ не долженъ носить на себѣ никакой драгоценности, которая бы бросалась въ глаза стороннимъ лицамъ. Надо назвать безвкусіемъ даже обычай нѣкоторыхъ священниковъ носить на себѣ, поверхъ кафтана, серебряную или золотую цѣпочку къ часамъ. Относительно кольца на рукѣ нѣкоторые, особенно молодые, священники, часто упорно противятся начальственному распоряженію не носить на своей рукѣ брачнаго кольца. Противъ этого распоряженія часто дается глухой, а иногда и громкій отвѣтъ, что кольцо на руку дается православному священнику православною же церковію при его браковѣчаніи предъ рукоположеніемъ во священника. Но надо обратить вниманіе именно на то, что брачное кольцо было ему вручено во время браковѣчанія предъ посвященіемъ во священника. Кольцо дается брачущемуся въ знакъ освященія брачной любви, но принимающій санъ священства долженъ снять съ себя это кольцо не для того, чтобы со времени принятія священства уменьшилась любовь мужа—священника — къ его женѣ, а напротивъ, чтобы священникъ свою брачную любовь къ женѣ еще болѣе скрѣпилъ освященіемъ посредствомъ высокой любви ко Христу, Которому онъ всецѣло себя обрекаетъ въ таинствѣ священства; кольцо, поэтому, для священника — дѣло лишнее. Да и носить кольцо для православнаго священника не удобно.—Извѣстно, что священнослужители причащаются Тѣла Христова изъ своихъ рукъ. Если бы въ эти священныя минуты на рукѣ священника находилось кольцо, то частица Тѣла Христова легко могла бы войти подъ кольцо и остаться тамъ, — что составило бы страшный грѣхъ. Скажете: ко времени принятія Св. Таинъ можно было бы снимать кольцо съ руки, но дѣло въ томъ, что вы весьма легко можете при этомъ забыть снять съ себя кольцо; извѣстно, что въ минуты Причащенія Св. Таинъ душа священнослужителя бываетъ всецѣло сосредоточена на своемъ достоинствѣ и на Божественномъ величій Христовыхъ Таинъ. Въ эти ли минуты и въ этомъ ли мѣстѣ вспоминать священнику и о кольцѣ, находящемся на его рукѣ! Кромѣ того въ этомъ случаѣ отъ забвенія могли бы произойти и другія обстоятельства, сопровождающіяся грѣхомъ.

Священникъ всегда долженъ украшать свою грудь видимымъ для всѣхъ крестомъ въ знакъ того, что онъ самъ въ своемъ сердцѣ носитъ крестъ и другихъ учить имѣть крестъ въ своихъ сердцахъ. Ордена и другіе знаки отличій также носятъ священнослужителями въ установленное время для того, чтобы ясно было, что Высочайшею Государственною Властію духовенство

призывается исполнять обязанности, свойственные гражданамъ.

Благовидность и важность въ лицѣ и одеждѣ, должны быть въ священникѣ замѣтны особенно тогда, когда онъ съ обычною священническою тростію въ рукѣ шествуетъ во вѣренннй ему храмъ для совершенія божественной литургіи. На этотъ разъ (скажемъ словами автора книги, „Священникъ” Пѣввицкаго), священникъ всѣмъ своимъ существомъ долженъ говорить, что онъ идетъ совершить важное и святое дѣло.

(Продолженіе будетъ).

Прот. А. Ковальницкій.

Достоинство священства.

(Окончаніе) ¹⁾.

Не менѣе важны они и какъ священнодѣйствователи и совершители таинствъ. Подобно тому, какъ владыки міра желаютъ, чтобы нужды подданныхъ восходили къ нимъ чрезъ посредство ихъ служителей и чтобы тѣ же приближенные къ нимъ были протоками ихъ милостей, изливающихся на подданныхъ,—Владыка вселенскихъ устроилъ, чтобы наши молитвы, обѣты и нужды восходили къ престолу благодати чрезъ служителей благодати, чтобы сіи избранники были раздавателями даровъ, исходящихъ изъ сокровищницы небесной. Если же посему высоко достоинство приближенныхъ къ царю земному, то гораздо большее преимущество имѣютъ предъ ними предстоятели небснаго Царя. Тѣ дѣйствуютъ только по слову своего повелителя, а въ послѣднихъ дѣйствуетъ Самъ Христосъ Своею таинственною силою. Они возносятъ къ Отцу небесному молитвы земныхъ чадъ Его Христосъ представляетъ Ему эти молитвы, какъ единый Ходатай Бога и человѣковъ. Они совершаютъ таинство; Христосъ укрѣпляетъ ихъ благодатію, дабы совершаемое ими возымѣло свою силу и дѣйственность для того, надъ кѣмъ совершается. Они произносятъ отпущеніе грѣховъ; Христосъ, невидимо предстоящій грѣшнику, утверждаетъ ихъ разрѣшеніе, ими даруемое. Они приносятъ безкровную жертву за спасеніе міра; Самъ Христосъ бываетъ при семъ приносителемъ и совершителемъ тайны, ибо Онъ, по слову молитвы, есть и „приносій и приносимый, и пріемляй и раздаваемый”. Нѣтъ ни одного дѣйствія въ священнослуженіи, которое бы не заимствовало своей силы и дѣйствительности отъ Его содѣйствія. Отсюда повятнымъ становится выраженіе Григорія Богослова, что священникъ „священнодѣйствуетъ со Христомъ”. Не входя въ подробное изложеніе обязанностей пастыря, какъ совершителя священнодѣйствій, мы укажемъ только важнѣйшія дѣйствія, совершаемыя пастырями въ

царствѣ благодати, чтобы видѣть изъ нихъ высокое достоинство пастырскаго служенія. Первое благодатное дѣйствіе пастырей есть то, что они отрождаютъ всѣхъ въ жизнь духовную, христіанскую. Въ жизни важнымъ признается рожденіе дѣтей по плоти, такъ что сюда можно отнести слова Апостола: „спасется жена чадородія ради”; сколь же важно рожденіе дѣтей по духу, отрожденіе ихъ банею пакибытія и обновленіемъ Св. Духа? Безъ отрожденія благодатнаго теряетъ свою цѣну и рожденіе плотское: ибо что можетъ быть несчастнѣе, какъ жить тѣломъ и быть мертвымъ по духу? Тогда истинно пріятно бытіе земное, когда мертвый по прегрѣшеніямъ сооживаетъ Христу и воскресаетъ для вѣчной и блаженной жизни въ Богѣ. А этотъ спасительный даръ именно и подаютъ намъ пастыри, заступая для насъ мѣсто духовныхъ отцевъ и крестителей. „Они-то суть тѣ,—пишетъ Златоустъ,—которымъ поручено рожать духовныхъ чадъ и возсозидать крещеніемъ. Чрезъ нихъ-то мы облекаемся во Христа, соединяемся съ Сыномъ Божиимъ, содѣлываемся членами блаженной Главы (Христа), такъ что по справедливости мы должны чтить ихъ болѣе, чѣмъ отцевъ своихъ, потому что эти родили насъ отъ крови и отъ похотѣнія плоти, а тѣ рождаютъ отъ Бога, даруютъ намъ святое пакибытіе, истинную свободу и благодатное усновленіе”. Но такъ какъ, по общей слабости человѣческой, и человѣкъ уже возрожденный не можетъ совсѣмъ удержаться отъ поползновеній ко грѣху, то здѣсь открывается поводъ для пастырей Церкви къ новому, весьма важному благодатному дѣйствію. Священникъ проникаетъ чрезъ таинство покаянія въ прокаженную грѣхомъ душу, открываетъ степень зла и, чтобы дать опять силу доброй наклонности, прилагаетъ духовный пластырь и обязавіе. Въ этомъ своемъ дѣйствіи онъ не ограничивается по образу судей земныхъ, только объявленіемъ невинности осужденному, но онъ возвращаетъ невинность виновнику; онъ не объявляетъ только грѣхи отпущенными, но самъ отпускаетъ ихъ силою благодати. Онъ водворяетъ миръ между оскорбленнымъ Богомъ и виновнымъ человѣкомъ,—и прежняго врага Своего Господь немедленно признаетъ Своимъ сыномъ и другомъ. Св. Златоустъ, желая показать въ этомъ отношеніи достоинство пастырей Церкви, опять сравниваетъ ихъ съ родителями плотскими. „Эти не могутъ,—говоритъ онъ,—защитить дѣтей своихъ и отъ тѣлесной смерти, даже не сильны отогнать отъ нихъ заразившую тѣло болѣзнь; тѣ, напротивъ, часто спасали болѣзненные души, долженствовавшія погибнуть, то подвергая ихъ кроткому наказанію, то удерживая при самомъ началѣ отъ паденія не только ученіемъ и наставленіемъ, но и помощію молитвы. Ибо не только они возрождаютъ насъ крещеніемъ, но имѣютъ власть разрѣшать отъ грѣховъ, и послѣ возрожденія сдѣланныхъ. Кромѣ того, плотскіе родители никакой не могутъ оказать помощи дѣтямъ своимъ

¹⁾ См. № 6.

когда они оскорбятъ какого-нибудь знаменитаго и сильнаго человѣка; но священники примиряютъ съ людьми не вельможъ, не царей, а раздраженнаго Бога.—Отъ судилища покоянія священникъ восходитъ къ алтарю,—и здѣсь является болѣе величественнымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ своего служенія. Здѣсь онъ совершаетъ такое таинство, которое, служа основаніемъ нашей вѣры, превосходитъ своимъ величіемъ всѣ чудеса въ мірѣ. Бренными руками и языкомъ священникъ совершаетъ на престолѣ то, что служитъ источникомъ для всѣхъ нетлѣнія, безсмертія и блаженной жизни. По малому молитвенному гласу его, но по великому дѣйствию Святого Духа, простой хлѣбъ и вино прелагаются въ существо истиннаго тѣла и крови Христовой,—и Самъ Спаситель, пострадавшій на крестѣ, какъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, истинно и дѣйствительно присутствуетъ въ св. Дарахъ. Напрасно бы мы усиливались изяснить величіе сего таинства и величіе при совершеніи его священника, когда въ отношеніи къ этому тайнодѣйствию сама Церковь требуетъ: „да молчитъ всякая плоть человѣка и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ“ Только златія уста великаго святителя способны были изобразить то, что хочетъ постигнуть наша душа, но чего выразить не въ состояніи языкъ. „Когда кто размыслить,—пишетъ Златоустъ,—сколь важно то, чтобы, будучи человѣкомъ еще обложеннымъ плотію и кровію, присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго естества; тогда увидитъ ясно, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. Представь предъ очи Ілію; представь, что его окружаетъ безчисленный народъ, жертва возлежитъ на камняхъ, всѣ другіе наблюдаютъ тишину и глубокое молчаніе, одинъ только пророкъ возсылаетъ молитву,—и что послѣ того пламень мгновенно ниспадаетъ на жертву. Все сіе внушаетъ удивленіе и благоговѣйный ужасъ. Перейди теперь отсюда къ жертвоприношенію нашему и увидишь, что оно не только удивительно, но и превосходитъ всякое удивленіе. Предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но Святаго Духа; возводитъ усердную молитву не о томъ, чтобы огнь ниспалъ съ неба и погалилъ предложенную ему снѣдь, но чтобы благодать, нисшедши на жертву, возгла душу людей и содѣлала свѣтлѣйшими чистаго серебра. Тогда и ангелы предстоятъ священнику, и все мѣсто жертвенника, въ честь Возлежащаго на немъ, исполняется небесными силами“.—Такъ, если при исполненіи другихъ обязанностей пастырь бываетъ облеченъ внѣшнимъ своимъ достоинствомъ, для всѣхъ яснымъ, то при совершеніи таинства онъ, кромѣ того, является еще въ нѣкоторомъ таинственномъ величіи, которое не для всѣхъ удобообразуемо, но которое тѣмъ сильнѣе увлекаетъ способныхъ понимать его.

Наконецъ, достоинство пастырей Церкви открывается въ ихъ правительственной власти. Люди вышекіе благоговѣтъ предъ тою только властію, которая

облечена внѣшнимъ могуществомъ, которая дѣйствуетъ на совѣсть подвластныхъ не столько положительными побужденіями, заимствуемыми отъ внутренняго достоинства нравственности и добродѣтели, сколько отрицательными привужденіями, всегда содержащими души въ страхѣ взысканій и наказаній, и которая даже и этимъ страхомъ преслѣдуетъ только внѣшнія дѣйствія человѣка, не имѣя часто силы проникнуть во внутреннее состояніе его духа,—такіе люди власть духовную почитаютъ только властію по имени, и въ пастыряхъ Церкви, когда они предъявляютъ свои властительскія права, не столько хотятъ признать это выраженіемъ ихъ достоинства, сколько обличить въ нихъ духъ властолюбія и тщеславія. Но всѣ подобные люди въ самыхъ своихъ понятіяхъ о власти вообще даютъ намъ оружіе противъ себя. Ужели властію должно называть только то, что облечено внѣшнимъ могуществомъ? Сынъ почитаетъ отца потому ли только; что отецъ имѣетъ внѣшнее на него вліяніе? Какъ же въ такомъ случаѣ понять почтительность къ родителямъ такого человѣка, который самъ возвеличенъ саномъ властительскимъ, между тѣмъ какъ его родители не пользуются и тѣмъ подобнаго преимущества? Есть, стало быть, власть, которая не требуетъ для себя внѣшнихъ опоръ, которая тѣмъ не менѣе можетъ господствовать надъ сердцами подвластныхъ. А таковъ именно главный характеръ власти пастырей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ самому источнику этой власти. Іисусъ Христосъ не искалъ не только никакой власти, но и Своей воли; однакоже Его называютъ учителемъ, и Онъ говоритъ, *яко власть имѣи*; Его просятъ быть дѣлителемъ имѣнія, и Онъ даетъ отеческое наставленіе блюстись отъ любостыжнія; Онъ не требовалъ ни отъ кого Себѣ повиновенія но Его имени повинуются не только люди, но и бѣсы; Онъ говорилъ *„царство Мое нѣсть отъ міра сего“*,—но Его прямо именуютъ царемъ, Его встрѣчаютъ и чтутъ, какъ царя. Взглянемъ на этого царя и съ другой стороны. Онъ говоритъ о Себѣ: *„Дадеса Ми всякая власть на небеси и на земли“*, но при такомъ Своемъ могуществѣ не имѣетъ *„идѣ главу поклонити“*; свидѣтельствуемъ о Себѣ, что мановенія Его ожидаютъ болѣе, нежели дванадцать легионовъ ангеловъ, и приходить на землю, *„не да послужатъ Ему, но послужити“*; обладалъ славою у Отца небеснаго *„прежде міръ не бысть“*, и умываетъ ноги ученикамъ, чтобы показать имъ поучительный образъ смиренія. Гдѣ же примиренія этихъ противоположностей? Что за власть и вмѣстѣ отрицаніе власти? Чему болѣе Апостолы и ихъ преемники могли научиться изъ сего: властвовать или покорствовать? Къ большому недоумѣнію, Самъ Спаситель то желалъ уничтожить въ ученикахъ Своихъ всякое желаніе чести, то обѣщалъ возвести ихъ на высокую степень славы: то говорилъ нѣкоторымъ изъ нихъ: *„а еже състи одесную Мене, или ошуюю, нѣсти Мое дати“*, то ободрялъ ихъ обѣтованіемъ: *„яко вы,*

шедшии по Мнѣ въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человеческій на престолъ славы Своея, сядете и вы на дваюнадесяте престолу, судяще обьмадесяте колѣнома Израилевама". Ключъ къ разрѣшенію этихъ кажущихся противорѣчій заключается въ томъ, что хотя І. Христосъ не искалъ власти и воспрещалъ это Своимъ ученикамъ, но власть, если позволено будетъ такъ выразиться, сама искала І. Христа и въ высшей степени приличествовала Ему, а чрезъ Него и Его намѣстникамъ и служителямъ. Его ученіе ясно свидѣтельствовало о Немъ, что Онъ посланъ отъ Бога; даже самые враги Его сознавались, что Онъ *„отъ Бога пришелъ есть учитель и пути истинному учитъ“*. Но ничто столько не можетъ сообщить авторитета человѣку, какъ сила слова. Въ жизни общественной не трудно примѣтить, что кто говоритъ убѣдительное другихъ, тотъ и господствуетъ надъ умами другихъ. Это наблюденіе, въ его высшемъ смыслѣ, мы можемъ приложить и къ божественному учителю І. Христу: словомъ Своимъ создалъ Онъ Свою власть на землѣ, словомъ же Своимъ Онъ содѣлалъ ее достояніемъ Своимъ и Своихъ избранныхъ. Справедливость этого замѣчанія утверждается на евангельскомъ повѣствованіи, гдѣ говорится, что *„дивляхуся народы о ученіи Его яко со властію бѣ слово Его, яко николиже тако глаголаше есть человекъ, яко сей человекъ“*. Это общее удивленіе предъ Его ученіемъ, безъ сомнѣнія, и было началомъ общаго Ему повиновенія. Такую послѣдовательность утверждаетъ Самъ Спаситель: *„Азъ на сіе родихся, говоритъ Онъ о Себѣ, и на сіе приидохъ да свидѣтельствую истину“*, — и вслѣдъ затѣмъ присовокупляетъ: *„и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего“*. Значитъ, тотъ только, кто *„не отъ истины“* кто бѣгаетъ ея, кто вооружаетъ противъ нея, дерзнетъ отказать въ послушаніи Спасителю. Подобно Христу, Апостолы преимущественно властнымъ словомъ уловляли всѣхъ въ послушаніе Христово. Такъ, Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѣянамъ: *„о Христѣ Иисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы, родихъ“*, — и къ уклонившимся отъ чистоты вѣры Галатамъ: *„чадца моя, ижеже такъ болѣзную, дондежь вообразится въ васъ Христосъ“*. Равно и Ап. Іоаннъ не иначе называетъ учениковъ своихъ, какъ чадцами, — конечно, въ смыслѣ духовнаго отрожденія. Можно теперь судить о важности пастырской власти уже по самому ея происхожденію. Но кромѣ того, что она ведетъ начало прямо отъ божественнаго Законоположника, мы можемъ видѣть обязательную ея силу и изъ подобія ея власти родительской. Какъ власть родительская естественно принадлежитъ родителямъ и непринужденно преклоняетъ дѣтей къ повиновенію, такъ что неповиновеніе въ этомъ случаѣ оказывается противленіемъ внушеніямъ самой природы: такъ и власть духовная естественно принадлежитъ пастырямъ Церкви, какъ отцамъ, отрождающимъ въ жизнь духовную, и имѣетъ сильное и невынужденное вліяніе на всѣхъ членовъ

Церкви. И какъ власть родительская въ родѣ человеческомъ древнѣе, священнѣе и выше всякихъ видовъ власти, ибо самое гражданское управленіе тѣмъ бываетъ ближе къ природѣ, а слѣдовательно и лучше, чѣмъ болѣе уподобляется управленію семейному; такъ власть духовная въ томъ самомъ выражаетъ свое высокое достоинство, что она есть также власть родительская, но не въ плотскомъ смыслѣ, а въ высшемъ духовномъ и благодатномъ знаменованіи.

Къ тридцатилѣтію римскаго догмата о папской непогрѣшимости.

(Продолженіе)*.

Теперь перейдемъ къ болѣе позднему времени, къ X и слѣдующимъ столѣтіямъ, когда западная церковь начала обособляться отъ восточной и представители ея перестали прислушиваться къ голосу вселенскаго преданія. По словамъ Баронія, кардинала римской церкви, съ конца IX до второй половины XI вѣка папскій престолъ занимали „чудовища гнуснѣйшей жизни, распутнѣйшаго права, вообще сквернѣйшіе люди во всѣхъ отношеніяхъ“. Папствомъ вертѣли „безстыднѣйшія, продажныя, непотребныя женщины, по волѣ которыхъ издавались папскія буллы“... и конечно самыя непогрѣшимыя¹⁾. Не даромъ вся первая половина X вѣка въ исторіи римской церкви обыкновенно называется временемъ правленія блудницъ (*porrocracia*). Въ одно десятилѣтіе смѣнялось по нѣскольку папъ и рѣдкому изъ нихъ удавалось удержать за собой престолъ до смерти. Образовывались цѣлыя партіи, въ ожесточенной борьбѣ которыхъ одинъ претендентъ на папскій престолъ низвергалъ другого, и низверженному папѣ приходилось терпѣть самыя унижительноя поруганія, а иногда позорную насильственную смерть отъ партіи своего побѣдителя. Такъ, папа Стефанъ VII по восшествіи на престолъ (896 г.) кощунственно надругался даже надъ трупомъ своего предшественника Формоза. Онъ велѣлъ вынуть изъ могилы мертвое тѣло Формоза и это тѣло, одѣтое въ папское одѣяніе, было утверждено на креслѣ и подвергнуто изслѣдованію собора. Эта безобразная, неприличная сцена была завершена тѣмъ, что отъ тѣла отрубили три пальца и бросили въ Тибръ²⁾. При этомъ рукоположенія епископовъ и пресвитеровъ, совершавшя папою Формозомъ, объявлены были недѣйствительными и ихъ заставили принять второе рукоположеніе, вопреки постоянному ученію церкви, что дѣйствительность таинствъ не зависитъ отъ достоинства лица, ихъ совершающаго, и что никто не руко-

*) См. № 6.

¹⁾ Душепол. Чт. 1895. II, 430.

²⁾ Дрэперъ, — Исторія умственнаго развитія Европы, — 1, 313.

полагается въ тотъ же санъ вторично. Такимъ образомъ одинъ папа анаематствуется другого, — и оба непогрѣшимы!?

По свидѣтельству Лиутпранда, епископа Клермонскаго, всѣ современники обвиняли папу Иоанна XII въ томъ, что онъ жилъ какъ самый беззавѣстный язычникъ, незаконничалъ съ своими ближайшими родственниками, открыто *ругался надъ религіей и никогда даже не крестился*, напивался виномъ *во славу* діавола, посвящалъ пресвитеровъ и діаконѣвъ въ конюшнѣ и въ неурочное время, продалъ однажды епископское рукоположеніе девятилѣтнему мальчику, клялся языческими клятвами, одному духовному выкололъ глаза, а другого сдѣлалъ кастратомъ и оба они умерли отъ этихъ насилій, строилъ заговоры, велъ войны и умеръ отъ разврата, не причастившись Св. Тайн¹⁾. Латеранскій дворецъ папы при немъ былъ наполненъ непотребными женщинами. Честныя женщины боялись ходить въ Римъ на богомолье, чтобы не подвергнуться поруганію, а церкви стояли въ развалинахъ и чрезъ кровлю храма св. Петра въ ненастную погоду лилъ дождь.

Послѣ такихъ подробностей почти излишне приводить лѣтопись слѣдующихъ папъ, упоминать, что Иоаннъ XIII былъ задушенъ въ тюрьмѣ, Бенедиктъ VI удавленъ, Бонифатій VI въ тюрьмѣ крѣпости св. Ангела уморилъ голодомъ своего соперника Иоанна XIV и скоро потомъ самъ отравленъ, а обожженный трупъ его брошенъ на поруганіе народное и растерзанъ озлобленною чернію; Иоанну XVI Григорій V приказалъ отрѣзать носъ и языкъ, выколоть глаза и затѣмъ, послѣ всенароднаго поруганія, онъ былъ заточенъ въ тюрьму. „Неужели такимъ чудовищамъ, полнымъ всякаго позора и лишеннымъ всякаго знанія челоуѣческаго и божественнаго, — замѣчаетъ по этому поводу ученѣйшій Гербертъ, впоследствии папа Сильвестръ II, должны подчиняться служители Бога, люди уважаемые всѣмъ свѣтомъ за свои знанія и святую жизнь? Первосвященникъ, который погрѣшаетъ такъ противъ своего ближняго, и который отказывается слушаться голоса благоразумія, такой первосвященникъ есть мытарь и грѣшникъ“²⁾. Какое однако получается сочтеніе *непогрѣшимый грѣшникъ*.

А что сказать о римской церкви временъ авиньонскаго плѣненія и великаго раскола? Почти всѣ авиньонскіе папы вели жизнь недостойную званія верховныхъ первосвященниковъ и дворъ ихъ представлялъ собой нѣчто въ родѣ хищнической шайки, которая подъ предлогомъ духовнаго попеченія старалась всѣми способами грабить христіанскій міръ. Не даромъ папа Иоаннъ XXII (1316 — 1334 г.) оставилъ послѣ себя 17 милліоновъ гульденовъ золотомъ и на семь милліо-

новъ серебряной посуды и другихъ драгоценностей. Кромѣ общихъ, такъ сказать, недуговъ, каждый папа имѣлъ и свои личные недостатки. Правленіе напр. Бенедикта XII (1334 — 1342 г.) почти вполне оправдывало слова, съ которыми онъ обратился къ кардиналамъ послѣ своего избранія: „вы избрали осла“¹⁾. Онъ велъ очень веселую жизнь и чрезмѣрно предавался пьянству. Есть преданіе, что именно съ его времени началась пословица: „пьянъ какъ папа“. При слѣдующемъ папѣ, Климентѣ VI (1342 — 1352 г.) авиньонскій дворъ сдѣлался самымъ распущеннымъ дворомъ во всей Европѣ. Онъ наполнился рыцарями, дамами, толпами живописцевъ и др. артистовъ, и высказывалъ невѣроятную роскошь въ нарядахъ и празднествахъ. Самъ папа чрезвычайно любилъ общество женщинъ и по слабости характера позволялъ своей любимицѣ, графинѣ Тюреннъ, вынуждать огромныя суммы продажей духовныхъ должностей.

Еще хуже пошло дѣло съ наступленіемъ великаго раскола (1377 г.), когда въ римской церкви начался двойной рядъ папъ — римскихъ и авиньонскихъ. У тѣхъ и другихъ были свои партіи, которыя находились между собой въ непрестанной борьбѣ и каждая изъ нихъ осыпала другую соблазнительною бравью и проклятіями. Взаимныя обличенія въ беззавѣстности и злоупотребленіяхъ, самымъ щедрымъ и откровеннымъ образомъ расточаемыя съ той и другой стороны, раскрыли въ папствѣ предъ глазами всего христіанскаго міра столько темнаго и позорнаго, сколько не могли рассказать про него самые злѣйшіе противники. Соблазнъ получался столь великъ, что западный міръ рѣшился на неслыханную мѣру и отдалъ своего духовнаго вождя на судъ собора. Особенно интересна для насъ дѣятельность двухъ соборовъ — констанскаго и базельскаго. На первомъ соборѣ, признаваемомъ въ римской церкви *вселенскимъ*, было установлено, что папа Иоаннъ XXIII, принимавшій ранѣе участіе въ морскихъ разбояхъ, виновенъ „въ блудѣ, предлюбодѣйствѣ, кровосмѣшаніи“ (съ женою своего брата). Всему свѣту извѣстно, что папа виновенъ въ убійствѣ и отравленіи, равно какъ и другихъ ужасующихъ преступленіяхъ, въ симоніи и *ереси*. Онъ (папа) открыто проповѣдывалъ „по внушенію діавола“, что нѣтъ вѣчной жизни и что душа уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ“²⁾. Нѣкоторые изъ обвинительныхъ пунктовъ отличались такою гнусностію, что превосходятъ всякое вѣроятіе и по скандальности своей требовали процесса „при закрытыхъ дверяхъ“³⁾. Не правда ли, какія ясныя и непререкаемыя свидѣтельства о папской непогрѣшимости?!

Соборъ базельскій, также признаваемый въ римской церкви *вселенскимъ*, удостовѣряетъ, что, „папа

¹⁾ Ивановъ—Платоновъ, — О римскомъ католицизмѣ, — ч. II, стр. 9.

²⁾ Дрэперъ, II, 4.

¹⁾ Тамъ же, стр. 82.

²⁾ Душепол. Чт. 1895. II, 429.

³⁾ Каръевъ, — Исторія Западной Европы, т. I стр. 455.

Евгеній былъ противникъ заповѣдямъ вселенской церкви, всѣмъ извѣстнымъ образомъ нарушалъ миръ и единство церкви, виновенъ былъ въ симоніи, позволялъ себѣ клятвеннопреступническія, отступническія и еретическія мѣнья и отрелся отъ епры!). Это ли опять не доказательство папской непогрѣшимости!!

(Окончаніе будетъ).

Замѣтка.

— Извѣстный публицистъ г. Мин. Энгельгардтъ (№ 8927 *Нов. Врем.*) описываетъ тѣ ощущенія, которыя онъ переживалъ при поѣздѣ въ Северо-Западный край.

Въ глубинѣ русскаго океана, въ невозмутимыхъ толщахъ исконно-русской, самовластной и мощной жизни народной, вы спокойны, лѣнны, какъ бы пресыщены отечествомъ, вы почти неблагодарны. Кто-то его для васъ приготовилъ, кто-то охраняетъ, а вы занимаетесь своими личными дѣлами. Здѣсь на окраинѣ вы чувствуете себя гражданиномъ. Вамъ надо, вы это всѣми нервами постигаете, самому надо отстаивать то внутреннее содержаніе жизни, которое необходимо для вашего сердца, для ума, для счастья и свободы вашей, какъ русскаго человѣка. Изъ всѣхъ поръ должны вы источать свою русскую суть, на все навладывать отпечатокъ русской культуры.

И если въ васъ нѣтъ идейной, душевной, сердечной, культурной русской сути, властно, грудью идущей на наплывающія со всѣхъ сторонъ, въ силу естественной „диффузіи“ соприкасающихся народностей, чуждыя влиянія, вы себя почувствуете одинокимъ, ничтожнымъ, раздавленнымъ, задушеннымъ. И нельзя voltarъ къ попечительности государственной. Вы это понимаете. Государство охраняетъ только внѣшнія формы жизни.

Да, на окраинѣ вырабатываются убѣжденія; Тамъ только русскій, безопасный и склонный къ безвольному созерцанію человѣкъ научается воплотить дѣлать даромъ доставшіяся ему отъ великихъ предковъ-строителей блага національной свободы и самобытности. Окраины—великая школа національного самосознанія для русскаго человѣка.

Можно только прибавить, что этотъ переломъ въ убѣжденіяхъ испытывался многими тысячами русскихъ людей, которыхъ судьба приводила на окраины, и что ощущенія, прочувствованныя г. Энгельгардтомъ, рельефнѣе всего проявляются на западной окраинѣ Россіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О продолженіи изданія журнала „ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1901 году.

Въ 1901 году Редакція журнала „Воскресное Чтеніе“ дастъ своимъ подписчикамъ, какъ и прежде, 52 номеръ разнообразнаго духовно-назидательнаго содержанія и одно большое приложеніе.

1. Содержаніе номеровъ журнала будутъ составлять:
1) Поученія и бесѣды на всѣ текущіе воскресные и

1) Душенол. Чт. 1895. II, 429.

праздничные дни и на разные случаи. Нумера журнала въ виду помѣщаемыхъ въ немъ срочныхъ поученій, будутъ рассылаться заблаговременно—къ тѣмъ днямъ, на которые назначены эти поученія или бесѣды.

2) Статьи по Свяш. Писанію; статьи объ истинныхъ Христ. вѣры и нравственности, о важнѣйшихъ церковныхъ обрядахъ, о жизни и подвигахъ св. угодниковъ Божіихъ и проявленіяхъ благодатной силы Божіей во Св. Прав. Церкви; нравственно-назидательные рассказы, преимущественно изъ народной жизни; а также духовно-поучительныя повѣсти, стихотворенія,—общепользныя свѣдѣнія; краткія бібліографіи и объявленія о белѣ важныхъ, вновь выходящихъ, книгахъ духовнаго содержанія.

II. Въ видѣ особаго приложенія къ журналу дана будетъ всѣмъ подписчикамъ книга, подъ заглавіемъ—„Разсказы изъ Исторіи Русской Православной церкви отъ начала христіанства въ Россіи до возвышенія Москвы (съ X—XIV в.)“. (Благовѣрные князья, святители, мученики и преподобные Русской церкви, прославившіеся своими подвигами на пользу Церкви и Отечеству.—Вѣбogosлужбныя чтенія свящ. Феодосія Петровскаго. Книга эта, въ объемѣ 400 стр., (23 чтенія), будетъ разослана всѣмъ подписчикамъ на журналъ въ Маѣ мѣсяцѣ.

III. Сверхъ того, по прежнему, будутъ издаваться отдѣльно отъ журнала *Ніевскіе Листки* религіозно-нравственнаго содержанія для народнаго чтенія на разныя духовно-нравственныя темы; въ листкахъ между прочимъ предполагается дать объясненіе девяти церковныхъ заповѣдей и семи смертныхъ грѣховъ.

При этомъ, подписавшимся на „Воскресное Чтеніе“ Редакція предоставляетъ право получить по пониженной цѣнѣ уже вышедшія раньше двѣ книги того же свящ. Феодосія Петровскаго подъ заглавіемъ: „Разсказы изъ Исторіи Христ. церкви отъ Сошествія св. Духа на Апост. до VIII всел. собора включительно, а именно: двѣ книги за 1 руб. вм. 1 р. 40 к. съ перес.

Цѣна за журналъ съ приложеніями и перес 4 руб., а для народныхъ бібліотекъ и читальнъ 3 руб. Разрочка допускается такъ, при подпискѣ уплачивается 2 руб.—а къ 1-му Мая остальные.

Адресъ: Кіевъ, въ редакцію „Воскресн. Чтенія“. (Подоль, домъ Ильинской церкви, № 4-й).

НАТУРАЛЬНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ВИНО

50 н. за бут.

РОГОМЪ (Сагор) 75 к.

изъ собств. садовъ

М. А. РОСТОМОВА,

складъ улица Медовая № 4, въ Варшавѣ, церквамъ скидка.

2—10.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — О сборѣ пожертвованій на постройку соборнаго храма въ г. Асхабадѣ. — Отдѣлъ II. Очеркъ исторіи православія въ гор. Калишѣ (продолженіе). — Мелочи въ обыденной жизни священника (продолженіе). — Достоинство священства (окончаніе).—Къ тридцатилѣтію римскаго догмата о папской непогрѣшимости (продолженіе).—Замѣтка.—Объявленія.

При семъ № прилагается „Подписной листъ“ и „Воззваніе о сборѣ пожертвованій на постройку соборнаго храма въ городѣ Асхабадѣ“.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется.—Варшава, 9 Февраля 1901 года.—Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей К. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Краковское-Предмѣстье, № 3.